

14 ИЮН 1975

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА ИМЕНИ Вл. МАЯКОВСКОГО В ЧЕЛЯБИНСКЕ

СЕГОДНЯ ВО ДВОРЦЕ «ЮНОСТЬ» — «МЕДЕЯ»

На вопросы корреспондента «Челябинского рабочего» отвечает исполнительница главной роли, заслуженная артистка РСФСР Светлана МИЗЕРИ

Одним из самых известных спектаклей Московского академического ордена Трудового Красного Знамени театра имени Владимира Маяковского по праву считается «Медея». Этот спектакль поставил замечательный советский режиссер Н. П. Охлопков.

«Медея» — античная трагедия, созданная более трех тысяч лет назад древнегреческим драматургом Еврипидом. В те давние времена актеры играли в гигантских театрах, похожих на современные стадионы. Вот почему режиссер Охлопков никогда не ставил «Медею» на обычной театральной сцене. И сейчас, в Челябинске, эта трагедия будет показана во дворце спорта «Юность». Сегодня — первый спектакль. Наш корреспондент С. Гржебинский встретился с исполнительницей главной роли — заслуженной артисткой РСФСР лауреатом Государственной премии С. Н. Мизери.

— Светлана Николаевна, несмотря на то, что в репертуаре театра у вас, кроме Медеи, много других интересных работ, хотелось бы услышать рассказ именно об этой роли. Ведь она, наверное, особенно трудна и необычна!

— Да, эта роль трудна. И прежде всего тем, что мораль нынешнего зрителя, конечно же, существенно отличается от морали современников Еврипида. Мне необходимо сделать все, чтобы мою героиню поняли и оправдали, хотя, стремясь отомстить неверному мужу, Медея убила собственных детей. Своей трактовкой образа Медеи я стараюсь убедить зрителя, что подлинный виновник этого — не она, а Язон, покинувший жену и детей ради нового выгодного брака с дочерью царя. Медею и ее детей ждало позорное изгнание. А в древней Греции изгнание было равносильно смерти. Вот почему Язон предстает в трагедии не просто неверным мужем, а настоящим предателем. Ведь он обязан Медее всем: и славою героя, и даже жизнью. Несмотря на это, он предает ее, бросив на произвол судьбы на чужбине, где ей не у кого искать поддержки.

Над бедственным положением Медеи насмехались царь и новая жена Язона. А Медея горда и не может переносить насмешки. Она жестоко рас-

правляется с обидчиками. Но теперь ей и детям грозит смерть от друзей царя. И она принимает роковое решение:

Убью детей и удалюсь отсюда.

Иначе то же совершит другая,

Враждебная рука. Да, жрабий их

Теперь — погубить.

Так пусть же мать Сама его и выполнит...

Как видите, не только желание отомстить Язону движет поступками моей героини, а в гораздо большей степени — отчаяние и ущемленное достоинство.

В новом спектакле нашего театра «Беседы с Сократом» по пьесе Э. Радзинского есть такие слова: «О предательстве нужно кричать». Это созвучно с основной мыслью трагедии Еврипида: предательство не может принести счастья. Ни тем, кого предают, ни тем, кто предает. И все решение образа Медеи я стараюсь подчинить именно этой мысли.

— Светлана Николаевна, насколько отличается ваша трактовка Медеи от трактовки этой роли ее первой исполнительницей в театре имени Владимира Маяковского — народной артисткой РСФСР Е. Н. Козыревой? Кстати, челябинцы выделили Козыреву в «Медею».

— Евгения Николаевна великолепно выполняла роль Медеи виртуоз-

но. Мне даже казалось, что ею использованы все возможности для воплощения этого образа и что на современной сцене имеет право существовать только такая его трактовка. Поэтому, когда Охлопков предложил мне играть Медею, я сначала отказалась. Разве интересно одной актрисе копировать другую? Причем, как известно, копия всегда хуже оригинала. Но несколькими годами позже я по-иному представила себе эту роль и тогда решила взяться за ее исполнение.

Евгения Николаевна Козырева поражает в «Медею» без-

шой режиссер, а именно таким был Николай Павлович Охлопков, никогда не создавал нечто неподвижное, раз и навсегда окаменевшее. Он указывал актеру направление в работе над ролью, никогда не ущемляя его творческой свободы. И поэтому появляется возможность нескольких трактовок одного и того же образа. А в этом — залог долгой жизни на сцене каждого хорошего спектакля.

— Каковы ваши критерии в оценке актерского мастерства? Что вам нравится, что не нравится!

— Терпеть не могу мнимой глубокомысленности, так сказать, философии на мелком месте. В то же время мне не нравится, когда актер ставит перед собой только узкие задачи: рассмешить или опечалить зрителя. Поймите меня правильно: я вовсе не против слез и смеха в зрительном зале. Но, по моему, хорошая актерская работа должна воздействовать на эмоции именно для того, чтобы будить мысль и тем самым помогать зрителю правильно понимать сущность спектакля.

— Всегда ли правильно понималась зрителями ваша трактовка образа Медеи!

— Рискуя показаться нескромной, все же скажу: мою Медею понимают правильно. И она волнует зрителей. Недавно, например, мы выступали в Тюменской области перед нефтяниками. Играли под открытым небом, на помосте. После спектакля к нам подходили люди, благодарили, многие женщины плакали. А когда видишь, что зрители глубоко прочувствовали и поняли твою работу, — это самая большая радость для актера.

укоризненной пластикой. Она прекрасно владеет пантомимой и всей техникой выразительных средств. Ее Медею нужно больше смотреть, чем слушать. Слова трагедии здесь — только повод для ошеломляющего по красоте действия.

Моя Медея иная. Я стремлюсь сделать ее более близкой зрителю, хочу, чтобы он сочувствовал ей и, главное, думал над смыслом происходящего на сцене.

— А после изменения вами трактовки главной роли спектакль не стал менее «охлопковским»!

— Убеждена, что нет. Боль-